

— Сегодня утром у меня разболелась голова, вот я и пришёл в вашу повозку вздремнуть, — сказал Лян Шу. — Надеюсь, не потревожил Лю-гунцзы?

— Нисколько, — мягко покачал головой Лю Сюаньань. — В том мешочке как раз много успокаивающих трав, они помогают от головной боли. Если ваше высочество не гнушается, носите его при себе — и для сна полезно.

— Раз так, не буду церемониться, — Лян Шу великодушно убрал мешочек в рукав, но уходить и не подумал, словно засиделся в гостях. Лю Сюаньань, естественно, выгонять его не мог. Теоретически, на его месте можно было и прилечь, но только если ты юнец вроде А-Нина, ещё не вытянувшийся в полный рост. Такому же, как Лю Сюаньань, повыше, приходилось сидеть с прямой спиной, отчего всё тело затекало и ныло. Когда они достигли следующей деревни, ему пришлось выйти на площадку и долго разминать затекшие руки и ноги.

Гао Линь, входя в чайную с двумя большими кувшинами воды, и без того знал — его господин нынче в прекрасном настроении.

Всего-то и сделал, что отобрал повозку у второго сына Лю, а уже сияет, будто весенним солнцем обогрет. Вот если б ещё за волосы его дёрнуть — так тот, глядишь, прямо на небо вознёсся бы.

При этой мысли уголок рта Гао Линя дёрнулся. Не спрашивай — один стыд.

И на всём дальнейшем пути Лян Шу удобно возлегал в повозке. Лю Сюаньань не особенно возражал, размышляя лишь о том, что раз уж выдалось столько времени наедине, нельзя ли снова завести речь о сестре. Но Лян Шу, читая его мысли, отнюдь не собирался идти навстречу, потому каждый раз, едва усевшись, тут же закрывал глаза, словно недосыпавший за несколько жизней великий святой-сони.

И даже когда А-Нин в следующем городке приобрёл лошадь, второй сын Лю так и не улучил момента для разговора.

— Ваше высочество, — в один из дней, пока Лю Сюаньань ехал по горной тропе, Гао Линь тоже протиснулся в повозку. — До Горы Укрощённого Тигра осталось три дня пути. Всё необходимое для прикрытия готово. Правда, после того как Чан Сяохань перебил часть их шайки, не уверен, осмелятся ли они снова показаться.

— Человек ради богатства и смерти не боится, — ответил Лян Шу. — Коль понесём выкуп — целую гору золота, — им и бояться нечего.

Гао Линь спросил:

— А второго сына Лю оставить в посёлке у подножья?

— Нет, — Лян Шу вновь закрыл глаза. — Возьмём с собой в горы.

Гао Линь: «...»

Не вижу в том нужды.

Он глянул в окно. Лю Сюаньань по-прежнему неуверенно сидел на низкорослой кобылке, семенящей неспешной рысцой. Если на ровной дороге-то он еле держится, что уж говорить о крутых тропах Горы Укрощённого Тигра? В схватке с разбойниками ему явно не место. Стало

быть, князь тащит его в горы с единственной целью — сначала измучить, потом напугать.

Эх, и как это назвать... До чего же бессовестно.

Вот в таком бессовестном духе они и добрались до Горы Укрощённого Тигра.

Перед самым входом в горы Его Высочество князь Сяо, дабы «не привлекать лишнего внимания», оставил большую часть людей и А-Нина в ближайшей деревне. В сопровождении были лишь Гао Линь, несколько охранников с выкупом, а также «на случай, если заложник пострадает и потребуются врач» — второй сын Лю.

Ах да, ещё кучер, что правил лошадьми, везя по горной дороге повозку, в которой восседал важный и ленивый князь Сяо.

Гао Линь: «...»

Грех да и только.

Он пришпорил коня, поравнявшись с Лю Сюаньянем, дабы подстраховать на случай, если тот свалится с обрыва.

Верховая езда Лю Сюаньяня за эти дни, надо признать, шагнула далеко вперёд. Но даже самый искусный наездник не справился бы с этой тропой — вначале ещё более-менее широкой, а потом становившейся всё уже и круче. Маленькая кобылка, неся на спине седока, ступала осторожно и неуверенно, но, к счастью, не вздумала взбрыкивать.

Вся гора была залита золотым солнцем. Взгляд терялся в изумрудной зелени, что кольцами обвивала облака, хребты нагромождались друг на друга, создавая величественную и безмолвную пустоту.

Лю Сюаньянь редко покидал дом и потому мало что видал из подобных величественных пейзажей. Но сейчас ему было не до любования красотами природы — слишком уж палило солнце, слишком уж он устал. Устал до того, что спина не гнулась, в голове туман, ноги подкашивались, и он едва не распластался на лошадиной шее.

Гао Линь снова нырнул в повозку:

— Ваше высочество, я полагаю, Лю...

— Идут, — перебил его Лян Шу.

— Уже? — Гао Линь распахнул занавеску. На утёсе вверху действительно маячила кучка тёмных фигур, человек двадцать-тридцать.

В тот же миг те двадцать-тридцать человек наблюдали за ними с высоты. Как и говорил Лян Шу, человек ради богатства и смерти не боится. Пусть шайка и понесла тяжкие потери от Чан Сяоханя, пусть они, перепуганные, как птицы, даже подумывали залечь на дно, — в конце концов, они не устояли перед щедрым выкупом, что пообещала Чэн Суюэ.

Они поджидали в засаде уже порядочное время и, увидев, что впереди едет юнец, едва держащийся в седле, весь перекошенный, с длинными чёрными волосами, развевающимися по лицу, — вид жалкий до крайности, — успокоились и махнули рукой. Подручные распахнули ворота, бандиты обнажили клинки, принимая грозный вид.

Едва добравшись до вершины, Лю Сюаньань, задыхаясь, слез с лошади. В голове у него всё ещё стоял тот почти вертикальный взлёт к небу. В коленях не было ни капли сил, и, не подхвати его Гао Линь, он бы рухнул на землю.

Бандиты, естественно, сочли это проявлением смертельного страха. Они громко рассмеялись, выступили вперёд и, ткнув мечами, сдернули с телеги промасленный брезент. Взорам их предстали четыре-пять ящичков, доверху набитых золотом и серебром. Глаза у разбойников загорелись хищным блеском. Задумали было бабу какую украсть, а наткнулись на жирного барана!

— А сестра моя где? — спросил Гао Линь.

— Небось, у нас в крепости живёт, ест да пьёт в своё удо... — Главварь оборвал на полуслове, потому что Лю Сюаньань, оправив одежду, поднял голову. Бледность ещё не совсем сошла с его лица, губы почти бесцветны, шея — алебастровой белизны. Вся его фигура, залитая ослепительным солнцем, в развевающихся светлых одеждах, походила на нефритовую статую божества, с лотосами на рукавах, тонкую и прозрачную.

Главварь застыл на месте. С рождения и до сей поры не видывал он столь ослепительной красоты. Разум его на миг помутился, в душе вспыхнула грязная похоть, смешанная с непонятно откуда взявшимся трепетным благоговением. Он сделал два шага вперёд и занёс ножны, чтобы приподнять ими подбородок красавца, но вдруг почувствовал в плече ледяной холод, а затем что-то тяжёлое с глухим стуком шлёпнулось ему под ноги.

Лю Сюаньань, нахмурившись, отпрыгнул на два шага назад, но не успел — полы его одежды забрызгала алая кровь, что стекала с него, источая металлический запах.

«...»

А у бандитов на той стороне начался переполох. Никто из них не разглядел, кто нанёс удар, — лишь миг, и рука заместителя атамана взмыла в небо.

Вопли смешались с лязгом обнажаемого оружия, разнесясь эхом по безмолвным горам. Противники явно пришли не с миром. Бандиты, ощерившись, занесли длинные ножи и, не разбирая дороги, бросились вперёд, надеясь захватить инициативу. Но не успели они сделать и пары шагов, как могучая внутренняя сила отбросила их назад. Они падали один за другим, словно подстреленные вороны, с грохотом ударяясь о землю, кровь хлынула у них изо рта.

Они попытались подняться, но кости будто переломаны все до одной. Сквозь застилавшие взгляд песок и пыль они едва различали человека, медленно выходящего из повозки в отдалении. Полы его чёрного халата были расшиты золотым узором. Подошвы его сапог ступали сначала по кончикам трав, потом по извилистым кровавым дорожкам и наконец замерли прямо перед ними.

Они из последних сил подняли головы, но ничего не смогли разглядеть. Свет резал глаза, весь мир заволокло красным туманом. В сердцах остался лишь леденящий ужас. В агонии им смутно думалось, что в этот день явился сначала белый, словно нефритовый, бодхисаттва, а затем чёрный, словно асфальт, демон-асура... Все эти странные видения смешались, и они уже не могли отличить, где находятся, в каком времени и живы ли ещё.

Лян Шу ступал по кровавым следам, направляясь к крепости. Гао Линь и Лю Сюаньань следовали за ним. По пути им попадались разбросанные груды строительного леса и недостроенные дома. Несколько мужчин в коротких куртках, должно быть, плотники, увидев

входящих, сначала остолбенели, а затем, заметив на Лю Сюаньане ещё не просохшую кровь, — будь они хоть трижды глупы, поняли бы, что гости недобрые, — швырнули брёвна и бросились наутек.

<http://bllate.org/book/16268/1464066>